

МИСТИЦИЗМ

Category: Filosofiya, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Мистицизм МИСТИЦИЗМ

Война между наукой и теологией относится к особому роду. Повсюду и во все времена – кроме Франции конца XVIII в. и Советской России – большинство ученых поддерживали религию своей эпохи. В это большинство входили и самые выдающиеся. Ньютон, хотя и был арианцем², во всех прочих отношениях придерживался христианской веры. Кювье был образцом католической праведности. Фарадей был сандиманианцем³, но даже он не считал возможным доказать ошибочность учения этой секты с помощью научных аргументов, а его взгляды на отношения между наукой и религией вызвали бы восторг любого приверженца церкви. Война велась между теологией и наукой, а не между учеными. Даже отстаивая взгляды, вызывающие неприятие, ученые мужи прилагали все усилия, чтобы избежать конфликтов. Коперник, как мы знаем, посвятил свою книгу Папе; Галилей отрекся; Декарт, хотя и считал благоразумным жить в Голландии, постарался остаться в добрых отношениях с духовенством, и, промолчав в нужный момент, избежал обвинения в следовании взглядам Галилея. В XIX в. большинство британских ученых все еще не видели никакого серьезного конфликта между наукой и той частью христианского верования, которое либеральные христиане продолжали считать действительным, так как в свое время сочли возможным пожертвовать буквой учения о Потопе и даже об Адаме и Еве.

На сегодняшний день положение вещей не слишком отличается от того, что существовало со времен победы учения Коперника. Последующие научные открытия заставили христиан отбросить один за другим те постулаты, которые в Средние Века считались неотъемлемой частью веры, и эти последующие уступки позволили ученым оставаться христианами, если только их работа не находится на той линии фронта, которой военные действия

достигли в наши дни. Сегодня, как и большей частью за последние три сотни лет, провозглашается, что наука и религия достигли примирения: ученые скромно допускают существование областей, выходящих за пределы науки, а либеральные теологи признаются, что не рискнут отрицать доказанное наукой. Да, правда, есть и нарушители спокойствия: с одной стороны, фундаменталисты и упрямые теологи-католики; с другой стороны, особенно радикальные исследователи в таких областях, как биохимия и психология животных, которые отказываются удовлетворить даже сравнительно скромные запросы наиболее просвещенных служителей церкви. Но в целом борьба проходит более вяло, по сравнению с тем, какой она была раньше. Новейшие постулаты коммунизма и фашизма несут в себе наследие теологического фанатизма; и вполне возможно, что где-то в глубине души как епископы, так и профессора заинтересованы в сохранении статуса кво.

Современное состояние отношений между наукой и религией, как их хочет представить государство, отражено в очень поучительном издании «Наука и религия. Симпозиум», которое включает двенадцать выступлений, переданных в эфире Би-би-си осенью 1930 г. Ярых противников религии, разумеется, не допустили, так как (не говоря уже о прочих аргументах) они оскорбили бы чувства особенно религиозных слушателей. Да, там, конечно, была превосходная вступительная речь профессора Джулиана Хаксли, направленная против религии даже в самых завуалированных ее формах, но, в то же время, в ней не было ничего такого, против чего стал бы возражать современный либеральный священнослужитель. Ораторы, позволившие себе выразить определенное мнение, выдвигая аргументы в защиту этого мнения, придерживались разнообразных взглядов. Разброс был широк: от профессора Малиновского, озвучившего неоправданный призыв верить в бога и бессмертие, до отца О'Хары, уверявшего, что постулаты откровения вернее постулатов науки, поэтому в спорном случае предпочтение должно быть за ними; но, несмотря на различия в деталях, создавалось общее впечатление, что конфликт между религией и наукой исчерпан.

Результат вполне оправдал ожидания. Так, каноник Стритер, выступавший последним, сказал, что «примечательно, что предыдущие выступления склонялись, в общем и целом, к одному и тому же... Неоднократно повторялась мысль, что наука сама по себе – это еще не все». Можно поспорить, действительно ли такое единодушие порождено наукой и религией или это инициатива лиц, курирующих Би-би-си; но следует признать, что, несмотря на многие различия, участники симпозиума выражают некое подобие согласия по вопросу, затронутому каноником Стритером.

Как говорит сэр Артур Томсон: «Наука как наука никогда не задает вопроса «почему?». То есть она никогда не занимается выяснением значения, значимости или цели многогранного Бытия, Становления и Бывшего». Он продолжает: «Так что наука не берет на себя роль непреложной истины». «Наука, – говорит он нам, – не может применять свои методы в области мистического и духовного». Профессор Дж. С. Халдейн утверждает, что: «только в самих себе, в наших активных идеалах истины, права, милосердия, красоты и вытекающей из них любви к ближнему, мы можем найти откровение божье». Доктор Малиновский говорит, что «религиозное откровение – это опыт, который, в принципе, лежит вне научной сферы». Теологов я сейчас не цитирую, потому что их согласие с высказанными мнениями такого рода несомненно.

Прежде чем продолжать, давайте попытаемся прояснить наши утверждения, а также их истинность или ложность. Говоря, что «наука – это еще не все», каноник Стритер, с одной стороны, выдает банальность. Наука не включает в себя искусство или дружбу, или прочие значимые в жизни человека моменты. Но, конечно, имеется в виду не только это. У выражения «наука – это еще не все» есть еще одно, гораздо более важное, значение, которое тоже кажется мне справедливым: наука ничего не говорит о ценностях и не в силах доказать такие утверждения, как «лучше любить, чем ненавидеть» или «доброта лучше жестокости». Наука может нам многое рассказать о средствах достижения желаемого, но она не может утверждать, что одно желание

предпочтительнее другого. Это большая тема, на которой я подробнее остановлюсь в следующей главе.

Но авторы, которых я цитирую, несомненно, утверждают нечто большее, и эти их утверждения я считаю ложными. «Наука не берет на себя роль непреложной истины» (курсив мой) предполагает, что существует и другой, ненаучный метод достижения истины. «Религиозное откровение... лежит вне научной сферы» показывает нам, что это не научный метод. Это метод религиозного откровения. Декан Айндж высказывается более определенно: «Следовательно, доказательство в религии основано на опыте» (Он говорил о свидетельствах в области мистического). «Прогрессирующее божье знание содержится в трех качествах, с которыми Он явил себя человечеству; в тех, которые иногда называют абсолютными или вечными ценностями, – в Добре или Любви, Истине и Красоте. Если это все, скажете вы, тогда религии совершенно незачем вступать в конфликт с естественной наукой. Одна имеет дело с фактами, другая – с ценностями. При условии, что обе действительны, они находятся в разных плоскостях. Это не совсем так. Мы видим, что наука вмешивается в область этики, поэзии и прочие. Религия тоже не может не вмешиваться в другие области». Это означает, что религия высказывается по поводу того, что есть, а не только того, что должно было бы быть. Это мнение, высказанное деканом Айнджем, прослеживается и в словах сэра Дж. Артура Томсона и доктора Малиновского. Должны ли мы признать, поддерживая религию, что существует некий источник знаний, лежащий вне области науки, который можно описать как «откровение»? На этот вопрос трудно ответить, так как те, кто верят, что истина снизошла на них в порыве откровения, уверены в этой истине так же, как мы уверены в объектах чувственного восприятия. Мы же верим человеку, увидевшему в телескоп нечто, чего мы сами никогда не видели; почему же тогда, спрашивают они, мы не должны верить человеку, утверждающему нечто, что кажется ему таким же бесспорным? Возможно, бесполезно придумывать аргументы, которые убедили бы человека, пережившего мистическое озарение. Но можно спорить о том, следует ли нам

принимать такое свидетельство. Во-первых, оно не подлежит проверке обычного рода. Когда ученый сообщает нам результаты эксперимента, он также рассказывает, как этот эксперимент проводился; его могут повторить другие и, если результат не подтверждается, он не считается достоверным; но когда пытаются повторить ситуацию появления мистического озарения, откровения не получается. На это можно возразить, что нужно пользоваться подходящими приборами: телескоп бесполезен для того, кто смотрит в него, закрыв глаза. Спор о достоверности мистических свидетельств можно продолжать почти до бесконечности. Так как спор этот научный, то наука должна быть нейтральной и вести его так, как должен вестись спор вокруг неопределенного эксперимента. Наука полагается на наблюдения и заключения; она достоверна благодаря тому, что эти наблюдения можно подвергнуть проверке. Сам мистик может быть уверен в том, что он знает, поэтому ему никакие научные тесты не нужны; но те, кому предлагается принять его свидетельство, подвергнут его неким научным проверкам, вроде тех, которым подвергают людей, утверждающих, что побывали на Северном Полюсе. Наука, как таковая, не должна заведомо настраиваться на какие-то определенные результаты, положительные или отрицательные.

Главный аргумент в пользу мистиков – это их согласие между собой. «Нет ничего более примечательного, – говорит декан Айндж, – чем единодушие среди мистиков, будь они древними, средневековыми, современными, протестантами, католиками, даже буддистами или магометанами, хотя больше всего заслуживают доверия мистики-христиане». Я не хочу недооценивать убедительность этого утверждения, которое я уже давно отметил в книге «Мистицизм и логика». Способности выразить вербально свой опыт у мистиков сильно отличаются, но мы, я думаю, можем заметить, что преуспевшие в этом утверждают следующее: 1) любое разделение и раздробленность несостоятельны, вселенная – это цельное, неделимое единство; 2) зло иллюзорно, и эта иллюзия проистекает из ложного восприятия части как самодостаточного явления; 3) время нереально, а действительность вечна, не в смысле бесконечности, но в смысле

того, что она целиком выходит за рамки времени. Я не берусь утверждать, что это полный обзор вопросов, по которым все мистики сходятся во мнении, но эти три упомянутые мною заявления могут свидетельствовать обо всем остальном. Давайте теперь вообразим себя жюри присяжных в суде, которым предстоит решить вопрос о достоверности показаний тех самых свидетелей, которые сделали эти три неожиданных заявления.

Прежде всего, мы обнаружим, что, хотя свидетели и соглашались по какому-то вопросу, они приходят к совершенному разногласию, когда доходит до практики, хотя при этом они так же уверены, как и соглашались. Католикам, но не протестантам, являются видения, в которых фигурирует Дева Мария; христианам и магометанам, но не буддистам, истину может открыть архангел Гавриил; китайцы, исповедующие даосизм, утверждают, согласно основополагающей доктрине, что правительство — это плохо, тогда как большинство мистиков-европейцев или магометан с такой же убежденностью отстаивают необходимость подчинения законной власти. Что касается точек расхождения, каждая из групп готова оспаривать надежность другой; поэтому, если нам достаточно простой победы в суде, мы можем заявить, что большинство мистиков считают большую часть остальных мистиков заблуждающимися по большей части вопросов. Однако они могут приуменьшить эту победу, заявив, что вопросы, по которым они едины, гораздо более важны, чем те, по которым их мнения расходятся. В любом случае мы должны допустить, что они уладили разногласия и построили защиту на тех самых трех пунктах — единстве мира, иллюзорной природе зла и нереальности времени. Какой проверке мы, как независимые наблюдатели, можем подвергнуть их единодушные свидетельства?

Как люди научного склада, мы, естественно, сначала заинтересуемся, существует ли способ, с помощью которого мы могли бы получить те же самые свидетельства из первых рук. Ответы на это мы получим разные. Нам могут сказать, что, очевидно, у нас невосприимчивый ум, что нам не хватает необходимого смирения; что необходим пост или медитация; или

(если наш свидетель индус или китаец) необходимым условием является система дыхательных упражнений. Я думаю, мы обнаружим, что весомость экспериментальных показаний свидетельствует в пользу последней точки зрения, хотя пост тоже зачастую дает результаты. В сущности, есть определенная физическая дисциплина, называется йога, которую практикуют именно для того, чтобы обрести мистическую уверенность, и которую практикующие ее настоятельно рекомендуют⁴. Дыхательные упражнения – ее самая важная часть, а остальное мы сейчас можем оставить без внимания.

Посмотрим, как можно проверить утверждение, что йога дает прозрение, а для этого давайте искусственно упростим это утверждение. Предположим, ряд людей уверяют нас, что если в течение некоторого времени мы будем дышать определенным способом, то мы придем к убеждению, что время нереально. Пойдем дальше и предположим, что, попробовав этот способ, мы пережили описываемое ими состояние сознания. Но теперь, вернувшись к нормальному способу дыхания, мы не вполне уверены в достоверности пережитого. Как нам разрешить этот вопрос?

Во-первых, что означает утверждение «время нереально»? Если мы в самом деле имеем в виду то, что говорим, тогда высказывания вроде «это было прежде того» – всего лишь пустой звук, вроде «воркалось». Если мы предположим что-либо не столь категоричное, как, например, что между событиями есть некие отношения, расставляющие их в порядке отношений между более ранним и более поздним, но что это отношения другого рода – мы не сделаем при этом утверждения, кардинальным образом меняющего наше мировоззрение. Это будет подобно предположению, что «Илиаду» написал не Гомер, а другой человек с таким же именем. Нам придется предположить, что «событий» как таковых не существует вообще; есть только одна огромная вселенная, охватывающая всю реальность в кажущейся временной последовательности. Действительность не содержит ничего, что бы соответствовало видимой разнице между более ранними и более поздними событиями. Утверждение, что мы рождаемся, потом

растем, а затем умираем, так же ложно, как и то, что мы умираем, потом уменьшаемся и наконец рождаемся. Истинность того, что предстает как жизнь индивида, всего лишь иллюзорная изолированность одного элемента в безвременном и неделимом существовании вселенной. Нет разницы между улучшением и ухудшением, нет различий между горем, приводящим к радости, и радостью, заканчивающейся горем. Если вы обнаруживаете труп с кинжалом в спине, все равно, умер ли человек от раны, или кинжал воткнули уже после смерти. Такая позиция, если она истинна, положит конец не только науке, но и благоразумию, надежде и усилию; она несовместима с житейской мудростью и – что важнее для религии – с моралью.

Большинство мистиков, разумеется, не принимают эти выводы целиком, но отстаивают доктрины, из которых эти выводы неизбежно следуют. Так, декан Айндж отрицает религию, признающую эволюцию, потому что она делает слишком сильный упор на временные процессы. «Не существует закона прогресса, и не существует всеобщего прогресса», – говорит он. И еще: «Доктрина автоматического и универсального прогресса, эта светская религия викторианцев, шатается оттого, что это практически единственная философская теория, которую определенно можно опровергнуть». В этом вопросе, обсуждать который я буду выше, я соглашусь с деканом, к которому по многим причинам я испытываю большое уважение. Но все же он не выводит из своих посылок всех тех заключений, которые кажутся мне правомерными.

Важно не искажать доктрину мистицизма, в которой, как мне кажется, есть зерно истины. Посмотрим, как она пытается избежать крайностей в выводах, следующих из отрицания времени.

У философии, основанной на мистицизме, давняя традиция, от Парменида до Гегеля. Парменид говорил: «то, что существует, не создается и не разрушается; потому что оно завершено, неподвижно и бесконечно. Его никогда не было и никогда не будет; потому что оно существует сейчас, все целиком, как продолженное»⁵. Он ввел в метафизику различие между

реальностью и видимостью, или способ истины и способ мнения, как он их назвал. Очевидно, что тот, кто отрицает реальность времени, должен ввести подобное различие, так как мир предстает существующим во времени. Также очевидно, что, если обыденный опыт не целиком иллюзорен, должна быть некая связь между видимостью и скрывающейся за ней реальностью. Но, однако, именно тут и возникают самые большие трудности: если связь между видимостью и реальностью сделать слишком тесной, то все неприятные явления видимости найдут отражение в реальности, а если связь сделать слишком слабой, то явления видимости не позволят нам судить о явлениях реальности, и реальность останется зыбким Непознанным, по Герберту Спенсеру. У христиан с этим связана проблема избежания пантеизма: если мир – это только видимость, бог ничего не создавал, а соответствующая миру реальность – это часть бога; но если мир в какой-то степени реален и отличается от бога, мы отрицаем всеобщую цельность, выступающую как главная доктрина мистицизма, и мы вынуждены предположить, что поскольку мир реален, постольку реально содержащееся в нем зло. Эти сложности делают радикальный мистицизм очень сложным для правоверного христианина. Как сказал епископ Бирмингемский: «Все формы пантеизма, ... как мне кажется, следует отрицать, так как, если человек действительно часть Бога, то зло человеческое тоже присутствует в Боге»

Все это время, как я полагаю, мы играли роль жюри присяжных, выслушивающих показания мистиков и пытающихся решить, принять их или отвергнуть. Если, когда они отрицали реальность чувственного мира, мы полагали, что они имеют в виду «реальность» в обычном смысле, принятом в суде, мы без колебаний должны отвергнуть все сказанное ими, потому что мы обнаружим, что это противоречит всем прочим показаниям, включая и их собственные высказывания в обыденной жизни. Поэтому мы должны найти какой-то другой смысл. Я полагаю, что, противопоставляя «реальность» и «видимость», мистик придает слову «реальность» не логическое, а эмоциональное значение. Оно означает нечто, в каком-то смысле, важное. Говоря, что

время «нереально», подразумевать при этом должны, что в каком-то смысле и в каких-то случаях важно воспринимать вселенную как целое; так же, как (если Он существовал) воспринимал ее Создатель, решив ее сотворить. При таком восприятии, все процессы оказываются в пределах одного завершеного целого; прошлое, настоящее и будущее существуют, в каком-то смысле, вместе, а у настоящего нет той доминирующей позиции, которое оно занимает в нашем познании мира. Если принять такую интерпретацию, тогда мистицизм выражает эмоции, а не факт; он ничего не утверждает, поэтому не может быть ни подтвержден, ни опровергнут наукой. То, что мистики все-таки высказывают утверждения, проистекает из их неспособности отделить эмоциональную важность от научной обоснованности. Разумеется, не следует ожидать, что они примут эту точку зрения, но она, как я понимаю, единственная позволяет признать что-то из их утверждений, не вступая в противоречие с научными сведениями.

Уверенность и частичное единодушие мистиков не являются решающим поводом для того, чтобы принять их показания без сомнений. Ученый, желающий показать и другим то, что увидел он, настраивает свой микроскоп или телескоп; то есть он вносит изменения во внешний мир, но от наблюдателя требует лишь нормального зрения. Мистик же требует, чтобы изменился наблюдатель, прибегая к посту, дыхательным упражнениям и воздерживаясь от внешних наблюдений. (Некоторые возражают против таких умерщвлений плоти, полагая, что мистического озарения нельзя достичь искусственным путем; поэтому с научной точки зрения в их случае проверку провести еще труднее, чем в случае занимающихся йогой. Но почти все соглашаются, что пост и аскетический образ жизни помогают). Мы все прекрасно знаем, что опиум, гашиш и алкоголь определенным образом влияют на наблюдателя, но так как мы это влияние не приветствуем, оно не принимается во внимание в нашей теории вселенной. Иногда эти вещества даже могут выявить крупинки истины; но мы все же не считаем их источниками знания. Пьяница, которому привиделись змеи, не считает потом, что ему было видение скрытой от других реальности, хотя вера в нечто подобное, должно быть, и привела

к культу Бахуса. В наши дни, как показывает Уильям Джеймсб, существуют люди, считающие, что при опьянении от веселящего газа можно открыть истины, которые в обычном состоянии от нас скрыты. С научной точки зрения, нет никакой разницы между человеком, который мало ест и видит райские кущи, и человеком, который много пьет и видит змей. Оба они находятся в ненормальном физическом состоянии, следовательно ненормально воспринимают мир. Нормальные ощущения, будучи необходимыми в борьбе за выживание, должны как-то соотноситься с фактами; от ненормальных ощущений такого соответствия ждать не приходится, поэтому такое свидетельство не может перевесить нормальные ощущения.

Мистическая эмоция, если она свободна от неоправданной веры и не поглощает человека целиком, вырывая его из нормальной жизни, может дать ему что-то очень ценное – нечто достигаемое медитацией, но в преувеличенной форме. Такая эмоция может дать широту, спокойствие и глубину, так как на какое-то время в ней умирает все эгоцентрическое и сознание становится зеркалом, отражающим огромное пространство вселенной. Те, кто пережил нечто подобное и считают, что оно неизбежно связано с заявлениями о природе вселенной, будут придерживаться этих заявлений. Я же считаю, что такие заявления несущественны и нет никакой причины считать их истинными. Я не признаю никаких других методов достижения истины, кроме научных, но в области эмоций я не отрицаю ценность переживаний, которые привели к возникновению религии. Будучи связанными с ложными убеждениями, они принесли много зла, равно как и добра; если освободить их от этих связей, можно надеяться, что останется только добро.

1 Глава из работы «Религия и наука» (Religion and Science, Oxford University Press, 1961)

2 Арианство (arianism) – христианское еретическое учение, впервые провозглашенное в начале IV в. старейшиной Арием. Учение отказывало Христу в божественном происхождении и считало его лишь полубогом. (прим. перев.)

3 Сандиманианцы (Sandemanians) – секта, основанная в 1730 г. в Шотландии Джоном Гласом и названная по имени ее признанного лидера Роберта Сандимана. Он полагал, что Новый Завет не поддерживает национальную церковь, так как царство божие исключительно духовно; поэтому христианская церковь не может ни строиться, ни поддерживать свое существование с помощью политических или мирских средств, но лишь словом и духом Христа. (прим. перев.)

4 Что касается йоги в Китае, см. Waley, *The Way and its Power*, pp. 117-18.

5 Цитата из «Ранней греческой философии» (Burnet's *Early Greek Philosophy*), p. 199.

6 См. его «Разнообразие религиозного опыта» (*Varieties of Religious Experience*).

Бертран РАССЕЛ.

Перевод Марии ДЕСЯТОВОЙ. *Filosofiya*